

ВОКРУГ МОНОГРАФИИ «ШАЛЯПИН»

Избранные письма Георгия Гребенщикова и Федора Шаляпина

Русский певец Федор Иванович Шаляпин (1873–1938) — яркий талант в нашей отечественной культуре. О нем написаны книги, созданы кинофильмы, собраны музыкальные записи. Вскоре после Октябрьской революции Шаляпин оказался эмигрантом, но даже в Советской России в 1926-м вышла его автобиография «Страницы из моей жизни». Через год власти опомнились, и он был лишен звания народного артиста. Это никак не отразилось на славе певца, публика по-прежнему обожала своего кумира. Статей в эмигрантской прессе было множество. Гастроли Шаляпина в Америке, Австралии, Новой Зеландии, на Дальнем Востоке широко освещались.

В ряду зарубежных публикаций могла бы появиться и одна замечательная книга — за монографию взялся сибирский классик Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1883–1964), однако этот проект остался неосуществленным. Всё же некоторая работа была проделана. Гребенщиков написал три больших очерка о Шаляпине для собственной книги «Русский жемчуг». Перечислим их: «Фёдор Шаляпин», «Шаляпин-писатель», «Вечер у Шаляпина». И хотя все три уже опубликованы и являются достоянием нашей зарубежной литературы, они мало известны современному читателю в нынешней России. Впрочем, как и факт дружбы двух великих соотечественников. Ни монография «Шаляпин», ни книга очерков «Русский жемчуг» так и не увидели свет. Правда, история иногда возвращается на свой круг...

Гребенщиков познакомился с Федором Ивановичем, когда певец приехал на гастроли в США. Они встретились в нью-йоркском отеле «Мажестик» 23 декабря 1925 года. Сибиряк написал артисту письмо и получил сердечный отклик

с приглашением на встречу. Через несколько месяцев Гребенщиков, будучи директором издательства «Алатас», предложил выпустить монографию «Шаляпин» на английском языке. Формальным поводом послужило 35-летие артистической деятельности, но истинный мотив был иным, как отмечал писатель, фигура певца «сама по себе одно из величайших явлений эпохи»¹. Книгу планировалось издать альбомным форматом с фотографиями, на бумаге «ручной выработки», объемом не менее двухсот страниц. В качестве авторов, помимо себя и самого Шаляпина, Гребенщиков предложил собрать цвет русской и зарубежной культуры, среди них — Максим Горький, Сергей Рахманинов, Илья Репин, Борис Григорьев, Владимир Немирович-Данченко, Герберт Уэллс, Бернард Шоу, др.

Идея монографии возникла в апреле 1926 года. За основу был взят только что вышедший из печати, роскошно изданный американским издательством «Brentano» иллюстрированный монографический сборник статей о великом русском художнике Николае Рерихе. Именно в то время начинается регулярный обмен письмами Гребенщикова и Шаляпина, обсуждаются первые детали будущего коллективного труда. Однако это внешняя сторона дела. Эмоциональный импульс у Георгия Дмитриевича появляется в момент общения с певцом 14 апреля. Тогда на сцене исполнялась опера «Фауст». После спектакля Шаляпин пригласил близких друзей, в том числе Гребенщикова и его супругу Татьяну Денисовну, к себе в отель на ужин. В тот вечер воспоминания Федора Ивановича и натолкнули на мысль о книге, что нашло отражение в дневниковой записи писателя. Вот фрагмент интересного живого разговора, который произошел, по всей видимости, в ресторане:

«Был Фауст — Шаляпин был божественным Сатаной. После оперы позвал нас к себе ужинать и играл опять в своих рассказах.

— Девочки какие лютые! Ах, пальчики оближешь... Охота мне на них поохотиться.

— На что они тебе?

— На шубу... Белая шкурка та как хороша. Бог, может быть, скажет на Страшном суде: «Ну, раб Федор, ты был хороший охотник. Иди, походи по Млечному пути!..»

Сыграл нам, рассказывая, роль Санчо Панса — до слез, до дрожания голоса...

— Это человек, это герой, я обожаю его! А вы кто? Подлецы вы!.. Он как Христос, а вы...

И, ударяя себя в грудь, трагически простонал и спрятал:

— Должны все встать в зале, должны рыдать все!..»²

Для того чтобы осуществить намеченный замысел монографии, Гребенщиков принял за письма. Судя по всему, их был не один десяток. Адресаты — перечисленные выше известные лица. Некоторые из писем сохранились в Центре по изучению истории иммиграции при университете штата Миннесота (Миннеаполис, США), в фонде Георгия и Татьяны Гребенщиковых (коробки 4 и 15, папки 5 и 6). Они представлены в публикации и дают ясное понимание о масштабе проделанной работы по подготовке рукописи к печати. Биографическую статью о детстве и юности будущего певца Георгий Дмитриевич предложил написать Максиму Горькому. Немалая роль при составлении монографии отводилась самому Шаляпину. Он должен был поделиться мыслями о своем искусстве. Обозначены статьи и о влиянии Федора Ивановича на развитие Московского художественного театра, и о портретах, на которых запечатлен образ русского гения.

Издание монографии Гребенщиков брал на себя. Для обеспечения финансовой стороны необходимо было привлечь меценатов и спонсоров. Первой в списке стояла «Граммфонная компания», выпускавшая пластинки Шаляпина. Потом предложена подписка на 200 человек среди американцев. Сбором средств занимался импресарио Шаляпина, известный музыкальный и театральный продюсер Соломон Юрок. Тираж книги — тысяча экземпляров. Масштаб издания, очевидно, определялся личностью певца, который имел к тому времени мировую популярность.

К весне 1927 года проект пришлось притормозить, а затем и окончательно свернуть вследствие финансовых трудностей. Книгоиздательство «Алатас», осуществлявшее свою деятельность под эгидой Музея Рериха в Нью-Йорке, формально закрылось и вскоре перебазировалось в штат Коннектикут, где Гребенщиков строил поселение русских эмигрантов, деревню Чураевку. Обновленное издательство вошло в рабочую колею лишь

в начале 1930-х годов благодаря бескорыстной поддержке авиаконструктора Игоря Сикорского, но к тому времени актуальность монографии уже потерялась. В Париже вышли мемуары самого Шаляпина «Душа и маска» (1932). От грандиозного начинания в архиве писателя остались лишь воспоминания художника Репина и подготовленный для монографии очерк Гребенщикова «Федор Шаляпин», который впервые был опубликован в 1926 году в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк).

В публикуемых ниже письмах Гребенщикова проступает образ светоча оперного искусства Федора Шаляпина. Грандиозная и светлая личность! Еще одно неизвестное содружество — украшение жизни и отечественной культуры. Поражает и то, как великий певец говорит о своем соотечественнике, оценивает его творческий дар. Не с высоты Олимпа, а как простой русский человек. Делится впечатлениями от прочтения романа Гребенщикова «Чураевы». Эти слова были известны всегда в пересказе, теперь слово дано самому автору письма: «Признаюсь Вам с Чураевыми. Горжусь, что я русский, и с завистью жалею, что не сибиряк. Эх, батюшка, как глубоко захватили Вы Россию-то, да как ровно ведете плугами вашими по необъятной-то земле. Спасибо, Георгий Дмитриевич, и браво бесконечное Вам!»³

---

¹ Гребенщиков Г.Д. Предварительный план к монографии «Шаляпин». <1926> // Центр по изучению истории иммиграции при университете штата Миннесота (Миннеаполис, США). Фонд Георгия и Татьяны Гребенщиконых (ЦИИИМ). Кор. 15, пап. 6. Автограф. Л. 1.

² Гребенщиков Г.Д. Дневник. Лист от 14 апр. <1926> // ЦИИИМ. Там же. Автограф. Л. 1.

³ Шаляпин Ф.И. Письмо Г.Д. Гребенщикоу. 15 апр. 1928. См. настоящую публикацию.

1. Гребенщиков — Шаляпину

25 апреля 1926

Дорогой Федор Иванович!

В ожидании Вашего ответа по поводу переговоров с известной Вам Граммофонной компанией об участии ее в материальной стороне издания Монографии я все-таки решил не терять времени и начать подготовительную работу.

Прилагаю копию письма моего к М. Горькому¹ и копию письма к Курнакову, который мне еще не ответил².

Продолжаю ожидать от Вас, если можно, адреса: д` Аннунцио³, Уэльса⁴, Бернарда Шоу⁵, Вашей первой супруги⁶ и хранителя библиографии о Вас в России, а также всех, кто, по Вашему мнению, имеет те или иные ценные материалы.

Хотелось бы настойчиво действовать и преодолевать препятствия, поэтому не огорчайтесь, если буду часто обращаться к Вам.

Пожалуйста, вызовите меня повидаться при первой Вашей свободной минутке.

<Георгий Гребенщиков>

---

¹ Максим Горький (Пешков Алексей Максимович) (1868–1936) — русский и советский писатель, поэт, прозаик, драматург, журналист и общественный деятель, публицист.

² Курнаков, Сергей Николаевич (1892–1949) — писатель, журналист, антрепренер; офицер Русской армии, участник Первой мировой и гражданской войн. Эмигрировал в Константинополь (1920), затем в Америку, где вступил в компартию США. Агент советской разведки, передавал сведения по американскому атомному проекту. В 1946 вернулся в СССР. Автор литературной автобиографии «Дикие эскадроны» (1935), брошюры об атомной энергии «Могучий карлик» (1942), книг «Вооруженные силы России» (1942) и «Печать Америки» (1947). На момент написания письма Г.Д. Гребенщикова (ГДГ) являлся сотрудником американской компании «Universal Artists, Inc.» (1440 Broadway, New York), которая устраивала гастрольные поездки Ф.И. Шаляпина. Ответ Курнакова на письмо ГДГ был получен позже, 2 июня 1926.

3. Д'Аннунцио, Габриэле (1863–1938) — итальянский писатель, поэт, драматург, военный и политический деятель.
4. Уэллс, Герберт Джорж (1866–1946) — английский писатель и публицист.
5. Шоу, Джордж Бернард (1856–1950) — ирландский драматург и романист, лауреат Нобелевской премии в области литературы.
6. Шаляпина-Торнаги, Иола Игнатьевна (1873–1965) — русская балерина итальянского происхождения; первая жена Ф.И. Шаляпина и мать его шестерых детей.

2. Гребенщиков — Горькому

25 апреля 1926

Дорогой Алексей Максимович!

Изредка рад послать Вам о себе кое-какую отчетность. Приглашаемый печатный материал кое-что Вам скажет обо мне как об одном из Ваших многочисленных литературных учеников. Поэтому о себе не буду распространяться. Скажу лишь, что, несмотря на множество попутных лабиринтов, иду всё так же прямо, как хочется, и очередные неудачи считаю залогом лучшего успеха. Несмотря на окружающее разложение и какофонию, верю в неистребимость лучших образов мировой культуры, и в особенности верю в торжество духа живого.

Сейчас у меня к Вам большая деловая просьба. Сущность ее в следующем.

Только теперь я поближе познакомился с Ф.И. Шаляпиным, который глубоко заволновал меня своей особой.

Вы знаете, что он подвизается на поприще универсальной культуры уже 36 лет, но, конечно, не только выслугою лет заслуживает того, чтобы образ его был как-то наиболее монолитно запечатлен в литературе.

И вот задумал я создать о нем большую книгу-монографию, в которой Шаляпин встал бы во весь рост, во всей своей цельности и красоте, как редчайшее явление в буднях человечества и как один из величайших, если не самый великий, сын России и Русского Народа.

План книги я примерно набросал и показывал его Ф<едору> И<вановичу>. Он, видимо, одобряет основные положения, хотя по своей застенчивости готов отклонить саму идею создания такой книги. Мне же кажется, такую книгу надо создать не только для почитателей Ф<едора> И<вановича> и для будущего мировой культуры, но и для того, чтобы продемонстрировать перед самим Ф<едором> И<вановичем> ту посеянную им в сердцах людей красоту, которая в данном случае руководит мною и порадует многих, кто примет участие в этой книге.

Думаю, что этого достаточно, чтобы изъяснить Вам главную побудительную причину, заставившую меня взять на себя столь ответственную, сколь и радостную задачу по созданию этой монографии.

И вот мне и Ф. И. Шаляпину было бы неоценимо дорого участие в создании этой книги Вас, и как друга Ф<едора> И<вановича>, и как одного из величайших современников.

Конечно, я буду просить у Вас не только статью о Ф<едоре> И<вановиче>, но и руководящих советов и указаний, дружеской критики и привлечения к участию тех крупнейших и нужных по плану книги лиц, которых Вы знаете ближе, нежели я.

Переписка по этому поводу будет большая, и я буду часто беспокоить Вас и Ф<едора> И<вановича> разными вопросами, а пока прошу Вашего суждения по поводу прилагаемого мною плана книги¹, по поводу основного связующего каркаса, заполнение которого будет зависеть от того, удастся ли нам получить статьи не случайного характера, а на определенные, одна другую дополняющие темы, чтобы в целом получился гармоничный, законченный образ Шаляпина как гения в искусстве и как огромного, мало кем понятого человека.

Кроме того, так как монография должна быть первоклассно иллюстрирована, я буду просить Вас, Алексей Максимович, помочь мне в собирании всех редчайших фотографий, репродукций с портретов, рисунков и проч., что Вы сами найдете наиболее ценным для данной книги.

Книга вначале будет издаваться на английском языке, вероятно, по подписке, хотя возможно, что средства на издание я буду искать путем кредита, но во всяком случае труд сотрудников

должен быть хотя бы скромно оплачен. Однако и в этом отношении все Ваши указания для меня будут крайне ценны.

Кажется, Ф<едор> И<ванович> в начале июня проездом навестит Вас. Поговорите с ним на эту тему поподробнее и оба всячески помогите мне осуществить эту большую и красивую задачу.

К Вашему сведению прибавляю, что при моем ближайшем участии только что создана монография о Гималаях² в связи с экспедицией туда Н. К. Рериха³, но, к сожалению, я не могу ее Вам послать — она стоит 40 дол<ларов>.

Кроме этого очередного вопроса, рад буду послать Вам, Алексей Максимович, часть своих ненапечатанных работ, если у Вас будет случай где-либо их напечатать. (Ничего не имею против издания в России.) В частности, сейчас по-русски нигде не печатались главы моей новой большой работы «Хан-Алтай»⁴.

<Георгий Гребенщиков>

---

¹ Гребенщиков Г. Д. Предварительный план к монографии «Шалаяпин». <1926> // ЦИИИМ. В. 15, Ф. 6. Машинопись. 2 л.

² Альбом-монография «Himalaya» (1926) о творчестве русского художника Николая Рериха был издан американским издательством «Brentano» на англ. яз. В этой монографии опубликована статья Георгия Гребенщикова.

³ Рерих, Николай Константинович (1874–1947) — русский художник, писатель, путешественник, общественный деятель. Автор международного договора об охране культурных ценностей во время войн и вооруженных конфликтов, получившего название «Пакт Рериха» (1935). Оказал влияние на формирование мировоззрения ГДГ и его литературное творчество, содействовал переезду писателя из Франции в США (1924). Рерих предпринял научно-художественную экспедицию в Центральную Азию с 1925 по 1928 гг.

⁴ Эпическое произведение ГДГ «Хан-Алтай» — поэтическая сказка в семи главах, написана зимой 1926.

3. Гребенщиков — Немировичу-Данченко

1 мая 1926

Дорогой Владимир Иванович¹.

Сердечно благодарю Вас за отеческую ласку — за присылку «юбилейной» телеграммы, которая как бы ознаменовала и Ваше присутствие среди избранных моих гостей — были: Шаляпин, Рахманинов², Фокины³ и многие другие. «Юбилея» я не допустил, а просто читал некоторые главы из своей новой вещи «Хан-Алтай»⁴, и всё было скромно и достойно.

У меня к Вам серьезное дело.

К концу мая мы выпускаем богато изданную в кооперативе с «Брентано» монографию «Гималаи» в связи с художественной экспозицией по Индии Н.К. Рериха. Удача этого опыта подбодрила нас, и мы теперь затеваем издание на английском языке такой же монографии, посвященной Ф.И. Шаляпину, в связи с 35-летием его артистической деятельности. В этой монографии примут участие виднейшие современники, как Д`Аннунцио, Бернард Шоу, Горький и другие. Конечно, нам хотелось бы просить и Вас дать нам небольшую, но сильную статью «Шаляпин и М.Х.Т.» или, в крайнем случае, Вашу личную о нём страничку. Я думаю, что Вы не откажетесь до Вашего отъезда дать мне Ваше обещание, которое Вы можете исполнить в течение летних месяцев, спокойно и не торопясь.

Очень жду Вашего короткого письма по сему поводу.

Рад Вам сообщить, что вопрос ознакомления с Новой Россией обстоит как нельзя лучше. Ваши советы дали блестящие результаты, но хочется успеть сделать в Америке как можно больше, что я и делаю с упорством честного сибиряка.

Жена моя⁵ и я шлем Вам и дорогой Екатерине Николаевне⁶ и всей группе артистов наши лучшие мысли и приветствия.

<Георгий Гребенщиков>

- ¹ Немирович-Данченко, Владимир Иванович (1858–1943) — русский и советский театральный режиссёр, педагог, драматург, писатель, театральный критик; один из основателей Московского Художественного театра. В сезон 1925-1926 находился вместе с театром на гастролях в США.
- ² Рахманинов, Сергей Васильевич (1873–1943) — русский композитор, пианист, дирижер. В начале 1918 эмигрировал в Копенгаген, в том же году переехал в Нью-Йорк. Состоял в переписке с Гребенщиковым.
- ³ Фокин, Михаил Михайлович (1880–1942) — русский, американский артист балета и хореограф. Основоположник классического романтического балета XX века. После Октябрьской революции в России — в эмиграции (1919). Открыл первую в США балетную школу (1921). Сотрудничал с Музеем Рериха в Нью-Йорке, поддерживал дружеские отношения с ГДГ. Жена — Вера Петровна Фокина (1886–1958), русская балерина. Танцевала партию царевны в балете «Жар-птица» (1910), также — в балетах «Шехерезада», «Шопениана», «Видение розы». Эмигрировала вместе с мужем.
- ⁴ Первое публичное чтение поэмы-сказки «Хан-Алтай» состоялось 4 апреля в Нью-Йорке, в Международном доме (500 Riverside Drive & 124 Street), где присутствовал цвет русской эмиграции — Федор Шаляпин, Сергей Рахманинов, Михаил и Вера Фокины, сотрудники Музея Рериха, др. Вечер был приурочен к 20-летию литературной деятельности ГДГ.
- ⁵ Гребенщикова, Татьяна Денисовна (Стадник) (1892/93-1964) — вторая жена писателя ГДГ. В 1920-м эмигрировала в Константинополь вместе с мужем, в 1921 — Париж, в 1924 — Нью-Йорк. Сотрудничала с Музеем Рериха. Помогала мужу вести дела книгоиздательства «Алатас». В 1940-х и 1950-х преподавала в Южном колледже Флориды (Lakeland) основы типографского дела и возглавляла местную типографию «Dixie Press».
- ⁶ Немирович-Данченко, Екатерина Николаевна (баронесса фон Корф) (1858–1938) — жена театрального режиссера В. И. Немировича-Данченко (1886).

4. Шаляпин — Гребенщикову

<6 мая 1926>

Глубокоуважаемый Георгий Дмитриевич,

Ваше желание напечатать книгу «Шаляпин» я, конечно, считаю весьма приятным актом для себя и, конечно, по силе моих способностей с удовольствием приму участие и что-нибудь напишу.

Алексея Максимовича Горького постараюсь увидеть ныне в начале июня и буду, так же как и Вы, просить его участия в создании этой книги.

Жму крепко руку Вашу,

*Сердечно Ваш
Ф. Шаляпин*

5. Гребенщиков — Шаляпину

8 мая 1926

Дорогой Федор Иванович,

Взвесивши еще раз вопрос о Вашем личном участии с материальной стороны издания монографии «Шаляпин», я пришел к выводу, что, пожалуй, будет лучше, если эта сторона Вас совершенно не будет обременять и беспокоить.

Если я об этом упомянул при нашем личном свидании, то только из каких-то самых лучших побуждений предоставить Вам как можно больше прав и контроля. Теперь же вижу, что всё к лучшему, и чем я самостоятельнее буду властвовать, тем у меня будет больше уверенности, что это красивое дело рано или поздно будет доведено до победного конца. Тем более что мне всего дороже Ваше душевное спокойствие и Ваша вера в мое искреннее желание без корысти, с любовью к Вам и радостно послужить будущему Вашим великим именем.

Будьте же спокойны и только помогайте мне Вашей верой в мои силы и изредка Вашими добрыми ободряющими словами. Главное же, изредка записывайте Ваши мысли для Вашей статьи в книге.

Наш глубокий поклон М<арии> В<алентиновне>¹ и Вам и счастливого плавания по Свету Божьему².

Ваш Г. Гребенщиков

Р. С. Сегодня пишу Репину³, Б. Григорьеву⁴ и Рахманинову.

¹. Петцольд-Шаляпина, Мария Валентиновна (1882–1964) — вторая жена Ф.И. Шаляпина, неразлучно сопровождала мужа на гастролях за рубежом.

². Ф.И. Шаляпин летом и осенью 1926 находился на гастролях в Австралии и Новой Зеландии. Он отправился в путешествие с супругой на пароходе из Франции в конце июня.

³. Репин, Илья Ефимович (1844–1930) — русский живописец, педагог, профессор, действительный член Императорской Академии художеств.

⁴. Григорьев, Борис Дмитриевич (1886–1939) — русский художник. В 1919 эмигрировал из России. Жил во Франции, США. Хорошо был знаком с Георгием Гребенчиковым. Написал портреты Ф.И. Шаляпина, С.В. Рахманинова, композитора В.В. Завадского.

6. Гребенчиков — Репину

2 июня 1926

Глубокоуважаемый Илья Ефимович!

В начале 1915 года я был у Вас послом от Вашего сибирского друга и нашего великого ученого Г.Н. Потанина¹. Вы очень ласково меня приняли, и я провел у Вас весь день и вечер.

С тех пор прошло тяжелых 10 лет, несмотря на которые, однако, мой литературный путь довел меня до редакторства в серьезном книгоиздательстве в Америке при ближайшем участии видных русских и американских деятелей искусства (№ 11 местного журнала «Зарница», посвященного мне², Вам посылается особо).

Только что выпустив роскошную монографию «Гималаи», мы теперь приступаем к изданию не менее роскошной книги о Шаляпине в связи с исполненным 35-летием его артистической карьеры.

Наша задача при посредстве этой монографии запечатлеть: во-первых, всё значение великого артиста для русского и мирового искусства, а во-вторых, проявить всю заботу к тому, чтобы книга получилась во всех отношениях прекрасной демонстрацией нашей любви к Шаляпину.

Среди участников мы уже видим имена: Ф.И. Шаляпина, М. Горького, Д'Аннунцио, Бернарда Шоу, С.В. Рахманинова,

Вл. И. Немировича-Данченко, К. С. Станиславского³ и других мировых светил современности. И является лишь естественным, чтобы Ваше великое имя приобщилось к этому красивому начинанию.

Нам хотелось бы получить от Вас хотя бы несколько страниц, посвященных Вами Ф.И. Шаляпину и, конечно, с Вашими рисунками или какой-либо красочной иллюстрацией, касающейся юбиляра.

Разумеется, Ваш труд будет оплачен еще до напечатания книги, но очень бы хотелось получить от Вас этот этюд и рисунки не позднее предстоящей осени.

Во всяком случае, я жду от Вас коротенького письма о Вашем принципиальном согласии на участие в означенной выше Монографии, чтобы иметь право включить Вас в список величайших современников, участвующих в Монографии.

Пользуясь случаем, шлю Вам мои лучшие мысли и неизгладимое восхищение перед Вашими бессмертными трудами.

<Георгий Гребенщиков>

---

¹ Потанин, Григорий Николаевич (1835–1920) — русский ученый, путешественник, исследователь Северной и Центральной Азии; общественный деятель, один из основателей и идеологов сибирского областничества. Потанин сыграл важную роль в становлении творческого пути Гребенщикова.

² Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал «Зарница» (Нью-Йорк) издавался в 1925-1927, вышло 18 номеров. Издательство — Атлантик Базар К°; издатель — Екатерина Розен. Редактор-издатель — Иван Дзиоменко. Одиннадцатый выпуск журнала за 1926 был посвящен литературному творчеству Г.Д. Гребенщикова.

³ Станиславский, Константин Сергеевич (1863–1938) — русский и советский театральный режиссёр, актёр, педагог, теоретик, реформатор театра; один из основателей Московского Художественного театра.

7. Гребенщикова — Рахманинову

2 июня 1926

Глубокоуважаемый Сергей Васильевич!

Приступая к изданию обширной и красивой монографии «Шляпин» в связи с 35-летием его артистической карьеры, я получил согласие на ближайшее участие в ней: Ф.И. Шляпина, М. Горького, И.Е. Репина, В.И. Немировича-Данченко, К.С. Станиславского, В.И. Качалова¹ и надеюсь привлечь таких мировых светил современности, как Д`Аннуцио, Бернард Шоу и др.

Ф.И. Шляпин указал мне на Вас как на одного из самых близких его друзей и как на самого авторитетного знатока музыкального искусства, который мог бы наиболее глубоко и красиво отразить значение Шляпина в музыкальном творчестве.

Конечно, я не претендую на обширную и детализированную статью, которая отняла бы у Вас много времени, но убежден, что Вы, один из величайших артистов эпохи, дадите образ Шляпина как одно из прекраснейших Ваших творений в музыке.

Надеясь, что Вы не откажетесь написать такой этюд о Шляпине, я предварительно хотел бы получить от Вас разрешение поместить Вас в числе участвующих в означенной Монографии. Самая же статья может быть закончена хотя бы к октябрю или даже к ноябрю. Также буду Вам, Сергей Васильевич, чрезвычайно благодарен, если Вы, из любви к Ф.И. Шляпину, поможете мне Вашими советами, а если можно, и присылкою каких-либо чрезвычайно редких писем или фотографий, могущих украсить Монографию, которую хотелось бы создать как одно из лучших и значительных явлений литературы.

<Георгий Гребенщикова>

---

¹ Качалов, Василий Иванович (1875–1948) — русский и советский актер, художественный чтец, педагог; один из ведущих артистов Московского Художественного театра.

Милостивый государь Георгий Дмитриевич.

Я чрезвычайно польщен памятью обо мне и вниманием к моему мнению о Ф. И. Шаляпине. Очень жаль, что я не представляю никакой компетенции в оценке столь прославленной личности нашего славного певца; и могу только написать здесь впечатление заурядного зрителя и слушателя, и сейчас только догадываюсь, что я художник. Да, для художника Шаляпин представляет неожиданный по своему значению предмет. Начну с моего провала по специальности — портретиста. Сам же я напросился писать его портрет, и Ф<едор> И<ванович> любезно и добросовестно соблаговолил на мою просьбу. Он ездил ко мне из Петербурга в Куоккалу, подолгу терпеливо позировал мне, приезжая целым обществом, в котором сопровождал его и Булька (бульдог, участвовавший в портрете), китаец (Василий)¹, и даже Мария Валентиновна приезжала, и эти вечера и ночлеги их в Куоккале оставили у меня восхитительные воспоминания.

Конечно, я ценил высоко этот случай — отличиться, затеял на большом холсте — всю фигуру обожаемого всеми певца, и — как это бывает — меня постигла неудача. Вероятно, оттого, что чувствуя перед глазами гениальность этого певца, я не мог удовлетвориться своей работой: мне хотелось чего-нибудь достойного этой сверхъестественной личности. Наконец, портрет был кончен, стоял на Передвижной выставке и возвратился ко мне. И здесь у себя, рассматривая портрет, я устыдился своего труда: неужели этому портрету оставаться в таком неудовлетворительном виде? Нет, ведь я же его помню хорошо: это не Он. И стоит дождаться счастливой минуты — я сделаю его уже по памяти... И, о Несчастный, я пошел смело на приступ... В конце труда до изнеможения я увидел, что мой приступ пал у подножия крепости — портрет стал еще слабее, и я не оставил уже этого холста, только Булька, его чудный бульдог остался на холсте: холст я переписал другим сюжетом.

Догадываюсь, в чем заключается гениальность. Совсем не в том, чтобы воспроизвести гениальный сюжет, а в том, чтобы самый простой предмет обогатить своей гениальной способностью. Так бывало только с Шаляпиным. Например, в опере «Руслан» (Глинки) Шаляпин изображал Фарлафа². Эта маленькая, маленькая комическая третьестепенная роль Шаляпина выдвигается на первостепенное значение, и притом не голосом, этим несравненным даром единственного певца, а игрой, даже не написанной автором либретто в тексте оперы. Шаляпин после своей арии — комической, коротенькой, вместо того чтобы сойти со сцены, замешавшись в толпе, создает целую роль мимикой. Он — рыцарь-враль трусливого десятка, очутившись в великокняжеском свадебном обществе, в раззолоченных, разубранных хоромах, начинает рассматривать все предметы, сервировку, и наконец — самый персонаж, с самым необыкновенным любопытством простака, ощупывает добротность скатертей и плотность парчовых нарядов съехавшихся на небывалое свадебное торжество... Тут уже игра — никакие слова не передадут всего комизма экспрессии гениального актера.

Другой случай: в опере «Юдифь» Серова³. Также, думаю, не предусмотренный автором оперы. Олоферн лежит на софе в своем боевом шатре в очень дурном расположении духа. Это расположение, бывавшее только у восточных неограниченных владык, должно быть особо подчеркнуто, когда кругом — дышать не смели... И как это подчеркивает Шаляпин! Весь необыкновенно полный, как все участия Шаляпина, театр при поднятии занавеса замирает, подавленный состоянием духа Олоферна; эта пауза длится бесконечно, и большой театр не смеет дышать... Довольно времени, чтобы рассмотреть необыкновенный грим и никогда не появлявшийся — костюм артиста. Ни у одного актера я не встречал такого изучения костюма, ни такой смелости воспользоваться увражами костюмов, где выражается всё упрощенно и сокращенно. Шаляпин после основательного изучения увражей Россине⁴ или...⁵ делает этот костюм из подходящей материи, пригоняет покрой к своему росту и, изучив костюм на практике натуры, облачается в него как в настоящее носильное платье. А в таких ролях, как сумасшедший Мельник⁶, в разорванной рубахе и портах с явными следами

дыр от деревьев и сучьев дремучего леса, — поражают до страха взглянуть на его неузнаваемую фигуру.

И его язык, меняющийся до неузнаваемости тонкостью выговора, как, например, в роли Дона Базилио в «Севильском цирюльнике»⁷.

Невероятная талантливость Шаляпина не объяснима по тем, сообщенным им самим, эпизодам воспитания в детстве — влияние среды, близких, как например, отца артиста, необъяснимо, как это из этой среды, жестокой, грубой, и в течение стольких лет непроходимого невежества, как это произошло? Вот и я свидетель — неужели это тот самый — сановитый представительный господин, высокого роста, смелый, изящный? Вот, в течение часа и более времени он — остроумнейший собеседник, держит — вот сейчас, целый стол более двух часов с таким интересом не спускающих с него глаз и не желающих проронить ни одного слова. Этого необыкновенного занимательного человека, так просто ведущего свою речь без определенного содержания, без претензии на значительность... И как он оригинален, как неожиданны все его сообщения... Ведь он к ним не готовился, всё это импровизация, всё это льется как свежий родник, и надо сказать, что эта беседа ведется им в высокообразованной среде.

Вл<адимир> Вас<ильевич> Стасов⁸, хозяин дома, — в Императорской публичной библиотеке занимал самые важнейшие и драгоценнейшие отделы: художественный, манускриптов и других важных отделов, разных национальностей. В его отделение постоянно, не прекращаясь, адресовались ученые не только русские из всех отделов провинциальных библиотек, но и иностранные, по всевозможным вопросам науки.

Дом Стасовых отличался кругом особо выдающихся деятелей музыки (особенно нашей русской музыки), литературы, искусства (всех родов) и науки. Здесь все начинающие, особо выдающиеся таланты, все, как в родную семью, стремились сюда отвести душу. Балакирев⁹, Римский-Корсаков¹⁰, Мусоргский¹¹, Кюи¹², Глазунов¹³, бр<атья> Блюменфельды¹⁴, Бларамберг¹⁵ и др., все чувствовали себя здесь как дома. Архитекторы: Ропет¹⁶, Богомолов¹⁷, скульпторы: Антокольский¹⁸, Гинцбург¹⁹; юристы: Д. В. Стасов (брат)²⁰ и др.; граверы Матэ²¹ и др. Молодые начинающие поэты

также у Стасовых читали свои произведения. Но особо обожаемые Стасовым посетители были: Мусоргский и Шаляпин.

На этом я прекращаю свои воспоминания о Шаляпине; если понадобится еще, то, может быть, я припомню и сообщу Вам, если это Вам подойдет.

Сейчас только благодарю за безукоризненное отношение к моему письму и считаю, что сообщенного достаточно на этот раз.

С совершенным уважением и преданностью.

Ваш Илья Репин

---

¹ Китаец Василий — слуга Ф. И. Шаляпина. Сохранилась фотография Василия, снятая фотографом Карлом Буллой во время посещения усадьбы Репина «Пенаты» в Куоккале зимой 1914 (ЦГАКФФД, СПб).

² Ф. И. Шаляпин исполнил роль варяжского витязя Фарлафа в опере композитора Михаила Глинки «Руслан и Людмила», постановка Мариинского театра (1917).

³ В опере Александра Серова «Юдифь» Ф. И. Шаляпин сыграл роль ассирийского полководца Олоферна, постановка Мариинского театра (1908).

⁴ Баранов-Россине Владимир Давидович (пс. Даниэль Россинэ) (1888–1944) — русский художник-авангардист, живописец.

⁵ Имя написано неразборчиво.

⁶ Имеется в виду роль Мельника в опере Александра Даргомыжского «Русалка», постановка Московской частной оперы (1897).

⁷ Премьерную роль Дона Базилио в опере «Севильский цирюльник» Ф. И. Шаляпин сыграл в Большом театре (авторская постановка, 1913).

⁸ Стасов, Владимир Васильевич (1824–1906) — русский публицист, художественный и музыкальный критик, историк искусств, библиограф, архивист, общественный деятель. Многолетний сотрудник Императорской Публичной библиотеки (с 1856).

⁹ Балакирев, Милий Алексеевич (1836/37–1910) — русский композитор, пианист, дирижер, педагог, глава объединения композиторов «Могучая кучка».

¹⁰ Римский-Корсаков, Николай Андреевич (1844–1908) — русский композитор, педагог, дирижер, общественный деятель, музыкальный критик.

¹¹ Мусоргский, Модест Петрович (1839–1881) — русский композитор. Сочинял музыку в разных жанрах: опера, оркестровые пьесы, романсы и песни, хоры.

- ¹² Кюи, Цезарь Антонович (1835–1918) — русский композитор и музыкальный критик, заслуженный профессор фортификации, инженер-генерал (1906).
- ¹³ Глазунов, Александр Константинович (1865–1936) — русский композитор, дирижёр, профессор Санкт-Петербургской консерватории (1899) и её директор (1905–1928).
- ¹⁴ Братья Блюменфельды — имеются в виду представители художественной и литературной элиты России, впоследствии оказавшиеся в эмиграции: художник, участник объединения «Бубновый валет» Генрих Матвеевич (1893–1920), писатель и драматург Вениамин Матвеевич (1884–1939) и революционер, бухгалтер Александр Матвеевич (1889–1942).
- ¹⁵ Бларамберг, Павел Иванович (1841–1907) — русский композитор и музыкальный педагог.
- ¹⁶ Ропет, Иван Павлович (1845–1908) — русский архитектор, своими работами оказал большое влияние на формирование русского стиля в архитектуре и искусстве.
- ¹⁷ Богомолов, Иван Семенович (1841–1886) — русский архитектор, академик Императорской Академии художеств, известен проектом пьедестала памятника Пушкину в Москве.
- ¹⁸ Антокольский, Марк Матвеевич (1840–1902) — русский скульптор, реалист; академик Императорской Академии художеств.
- ¹⁹ Гинцбург, Илья Яковлевич (1859–1939) — русский и советский скульптор, близкий к передвижникам; ученик М.М. Антокольского.
- ²⁰ Стасов, Дмитрий Васильевич (1828–1918) — адвокат, первый председатель совета присяжных поверенных окружной Санкт-Петербургской судебной палаты, общественный деятель. Брат В.В. Стасова.
- ²¹ Матэ, Василий Васильевич (1856–1917) — русский художник, рисовальщик, гравер, действительный член Императорской Академии художеств.

9. Гребенщиков — Репину

12 августа 1926

Дорогой и глубокочтимый Илья Ефимович!

Чрезвычайно растроган Вашим чудным письмом и прекрасной статьей о Ф.И. Шаляпине, которую мы переписали на машинке и посылаем Вам для окончательного просмотра. Если

попутно вспомните и дополните что-либо еще, мы будем только признательны.

И все-таки мы очень и очень просим Вас, Илья Ефимович, прислать нам в виде иллюстрации хотя бы 2-3 маленьких, хотя бы карандашных наброска — лишь бы Ваше высокое искусство так или иначе в монографии участвовало. Набросайте нам, что захотите, будет ли это относиться лично к Вам или к Ф.И. Шаляпину. И, во всяком случае, мы ждем Ваш личный портрет для помещения в Монографии, а если можно, и лично для меня с Вашим автографом.

О ходе дел по Монографии мы Вам будем сообщать, и как только выяснится материальная сторона издания, мы немедленно закажем перевод Вашей статьи на английский язык. Пока же ждем обратно прилагаемую рукопись с Вашими поправками и дополнениями, рисунки и Ваш личный портрет в 2-х экземплярах.

<Георгий Гребенщиков>

P.S. В знак моего почтения я посылаю Вам две моих книги и буду счастлив, если Вы найдете досуг прочитать их.

10. Гребенщиков — Шаляпину

1 ноября 1926

Дорогой Федор Иванович.

Моя жена и я поздравляем Вас с благополучным возвращением в Америку.

Светло радуемся Вашим новым завоеваниям новых стран мира и глубоко скорбим, что не можем немедленно приехать в Нью-Йорк, чтобы лично поклониться Вам и побыть около Вас часочек.

Тем не менее, считаю себя обязанным при первой возможности явиться к Вам с докладом по поводу книги «Шаляпин». Пока что могу Вам доложить, что всего, что я наметил сделать до осени, я не мог сделать, прежде всего потому, что намеченный нами главным редактором А.М. Горький мне почему-то не ответил на мои письма. А так как Вы с ним виделись и, вероятно, говорили, то я должен выслушать Ваше суждение.

Кроме того, со мной за это лето произошли большие передряги, в результате чего я решил покинуть Нью-Йорк и уединиться в своем имении¹.

Но так как мое желание создать о Вас нужную, красивую книгу — непреодолимо, то у меня имеются новые планы и соображения. Главное, что мои личные материальные дела настолько налаживаются, что я, вероятно, смогу издать книгу о Вас своими средствами. Но характер книги должен быть изменен и срок для создания ее должен несколько удлиниться. Словом, обо всем я имею сделать Вам обстоятельный доклад в конце ноября или начале декабря, как только смогу переселиться в Нью-Йорк. Сейчас я жестко занят постройкой дома в своем имении, владения которого за это лето увеличил ровно в десять раз, во столько же раз увеличились мои труды в нем и заботы.

Очень прошу Вас, дорогой Федор Иванович, ответить мне, когда и где удобнее всего я мог бы повидать Вас, когда и долго ли Вы будете в Нью-Йорке.

Моя жена и я шлем Вам и глубокочтимой Марии Валентиновне наш почтительный привет и лучшие мысли.

<Георгий Гребенщиков>

---

¹ Имеется в виду русская деревня Чураевка (в 75 милях от Нью-Йорка, штат Коннектикут, географическое название Southbury), где ГДГ в это время строил свой дом. Позже там расположились основанное им книгоиздательство «Алатас» и типография.

11. Гребенщиков — Вальтеру

21 января 1927

Многоуважаемый Виктор Григорьевич¹,

Чувствую себя виноватым перед Вами за столь долгое молчание. Однако у меня много уважительных причин. Во-первых,

наше акционерное общество «Алатас»² приостановило свою книгоиздательскую деятельность, и на Монографию о Шаляпине никаких кредитов я не мог получить. Открывать подписку, не имея в руках твердого списка участников, — было бы неосмотрительно. Ибо не могу злоупотреблять огромным именем Шаляпина. Во-вторых, с прошлой весны не могу связаться ни с Шаляпиным, ни с Горьким (я восемь месяцев жил в своем имении в другом штате и снова скоро должен уехать). Кроме того, выяснилось, что многие крупнейшие деятели культуры дали понять, что имя Горького для них одиозно. В-третьих, все-таки я решил своими средствами и силами, чего бы это мне ни стоило, осуществить идею о Шаляпине. Если не в виде Монографии, то в виде хорошей книги о нем на английском и на русском языке, хотя это в сильной степени и подорвано выпуском в Москве книги о Ф<едоре> И<вановиче>, кажется, «Прибоем»³.

Во всяком случае Ваше сотрудничество считаю чрезвычайно ценным и прошу Вас, если у Вас есть возможность не иметь ко мне немедленных материальных требований, создать статью о Ф<едоре> И<вановиче>, но все же очень сжатую, как бы одну прекрасно отлитую, но золотую монету. Я лично работаю для Ф<едора> И<вановича> совершенно бескорыстно, понуждаемый любовью к его гению и долгом перед величайшею его культурой.

Привлечь мне хочется самых крупных людей литературы и искусства, и согласие таких людей как Рахманинов, Вл. Немирович-Данченко, Качалов, Станиславский, Коровин⁴, Бор. Григорьев и др. — обеспечено. Прислал И. Е. Репин. Но мне хотелось бы уловить крупнейших иностранцев, как Д`Аннунцио, Бернард Шоу и др.

Если Вы в свою очередь можете в Париже уловить двух-трех крупнейших и достойнейших французов или русских из мира изящных искусств или музыкального, — конечно, я буду Вам чрезвычайно благодарен.

Чувствую, что работа эта возьмет много времени, быть может, годы, но всяческие трудности только усиливают мое упрямство, тем более что я обещал Ф<едору> И<вановичу> рано или поздно, даже вопреки его противодействию, Книгу о нем создать —

достойно того тысячелетия, в котором родился и творит этот гигант, о Человеке и о родной Земле, о великом сердце русского народа, ожесточенного вековой неправдой, но жертвенно открытого навстречу величайшим испытаниям.

Когда видишь и слышишь Шаляпина, когда чуешь, что и для него весь мир без России неуютен и мал, — как не забьется сердце, как не затоскует душа о родном народе... Когда-нибудь позже я расскажу, как говорил об этом сам Шаляпин. А сейчас мне хочется сказать о том, как русское искусство делает нас равными среди неравных, как оно радуется, бодрит и окрыляет надеждами, как связывает с Родиной.

В песнях же и творчестве Шаляпина я слушаю твой зов, родная земля. И не подниму руки своей на тебя, как бы скорбь и гнев твой ни искажали лик твой. Где бы я ни был, как бы ни был тобою забыт или гоним, я богат и счастлив, когда перебираю драгоценные жемчужины, рожденные твоими недрами и разбросанные твоей щедрой рукой по просторам всей земли.

О, эти зерна русского великого искусства и страдания. Они не могут не взойти, не могут не расцвести прекрасным садом на радость всему миру, на славу Русской Земле.

<Георгий Гребенищikov>

---

¹ Вальтер, Виктор Григорьевич (1865–1935) — русский скрипач, музыкальный писатель и критик. Эмигрировал из Советской России, с 1925 года жил во Франции. Профессор Русской консерватории в Париже, преподавал курс эстетики и скрипичного искусства.

² Книгоиздательство «Алатас» (в пер. с казах. яз. Белый камень) было создано на паях ГДГ и художником Н.К. Рерихом в Париже в 1923. Инкорпорировано в Музей Рериха в мае 1924 и начало работу как одно из учреждений музея. Получило независимый статус в марте 1927. В его дальнейшей деятельности важную роль сыграл авиаконструктор И.И. Сикорский. В письме ГДГ упоминает о реорганизации «Алатаса».

³ Шаляпин Ф. Страницы из моей жизни (автобиография). Ленинград: Рабочее издательство «Прибой», 1926. — 204 с.

⁴ Коровин, Константин Алексеевич (1861–1939) — русский живописец, театральный художник, педагог и писатель. Академик Императорской Академии художеств (1905). После Октябрьской революции выехал за границу и поселился во Франции (1922).

12. Гребенщиков — Шаляпину

<Не позднее апреля 1928>

Дорогой Федор Иванович.

Во-первых, прошу передать мое искреннее извинение глубокоуважаемой Марии Валентиновне, которую в театре видел только мельком и не мог даже словом перемолвиться.

Во-вторых, захотелось поделиться с Вами впечатлениями от последнего Вашего концерта. С какою гордостью я наблюдал, как безумствовала от восторга публика. Вы каждым Вашим жестом, уже не говоря о пении, — посылаете ей волны особого опьянения, трепетное счастье, вино радости. Какие я видел глаза — их тысячи, и как были они устремлены на сцену. Ведь это же так теперь редко, и именно здесь, где людям некогда жить и где только работают и торопятся подешевле отдохнуть. Я наблюдал, как молодели старики, как молодые девушки поднимали над головою высоко свои руки, чтобы этим порывом в высоту как-то выпрыгнуть из обыденщины. Как хорошеют люди в эти моменты счастья. Подумайте, какая радость для меня писать об этом для других.

Но в чем же чародейство Ваше? — вот для меня задача. Я думаю, не только в чудесном мастерстве, не только в голосе, на этот раз звучавшем особенно прекрасно, как-то очень близко и очень далеко и упоительно просторно. Все 5000 человек на крыльях этих звуков унеслись далеко, дальше родины, по морям мечтаний сладостных. В чем же дело? — спрашиваю я себя. Когда буду решать для книги — скажу, что дело главным образом в личности, в Федоре Ивановиче, единственном, неповторяемом человеке, в том самом особенном очаровании личности, которая не поддается словам, оно связано с тайной, с нераскрытыми возможностями неба, что ли. Личность, выросшая

в постоянном художественном совершенствовании, впитала в себя, кроме того, излучения лучших чувств благодарности, восторга и любви тысяч и тысяч. Ведь эти тысячи уже десятки лет отдают Вам, проливают на Вас свои эмоции, свои мысли, свои улыбки. Это очень серьезный и еще не установленный закон общения артиста с публикой. Это то, что в Индии считают светом учительства. И таким светлым вдохновенным Вы встретили нас четверых¹, и все мы счастливы сказать Вам, что благодарность наша к Вам незабываема и любовь наша к Вам несокрушима.

Так естественно, что люди рвутся к Вам. Вы не знаете, какая толпа ломилась в двери, которой нужно было, хоть чуточку, побыть поближе к Вам. А их не пускают. И вспомнил я Христа, который строго говорил Ученикам своим: «Не мешайте детям приходить ко Мне»². Все они дети, все так замучены буднями труда, и вот появился творец истинного праздника, и бросились, и опьянились, и захотели убедиться: правда, или померещилось. Всем хотелось, чтобы Вы каждому отдельно посмотрели в глаза, улыбнулись... И те, кому Вы возложили руки на голову — будут счастливы на всю жизнь, как счастливы мы, которых Вы приняли так исключительно, на зависть многим, что нам даже стыдно.

Дорогой Федор Иванович! Вы, конечно, понимаете, какие чувства руководят мною, когда я все это Вам пишу. Это чувство — радость за Вас, за то, что судьба нам дала Вас, радость, что мы, Русские, так богаты и что богатства наши не ржавеют и мыши их не съедят и воры не украдут. Да славится имя Ваше на радость людям на многие лета. Буду счастлив получить от Вас письмо.

Посылаю Вам 4-й том «Чураевых»³ и «Волчью сказку»⁴. Не черкнете ли пару строчек о Вашем впечатлении от всех четырех томов «Чураевых» и о «Былине»⁵. Что Вы о них скажете по совести.

Привет и любовь всем Вам от нас обоих.

<Георгий Гребеничиков>

---

¹ Говоря в письме о «четверых», с большой вероятностью, кроме себя и жены, ГДГ имеет в виду композитора Василия Васильевича Завадского (1891–1954) с супругой пианисткой Марией Александровной Завадской (1884–1974).

² Евангелие, цитата по изд. 1904 г. Святейшего Правительствующего Синода: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф, 19:14).

³ Гребенщиков Георгий. Чураевы. Том IV: Трубный глас. Southbury: Alatas, 1927. — 128 с. При жизни ГДГ вышло семь книг его многотомной эпопеи «Чураевы» (1922–1952).

⁴ Гребенщиков Георгий. Волчья сказка. Southbury: Alatas, 1927. — 32 с.

⁵ Гребенщиков Георгий. Былина о Микуле Буяновиче. Париж — Нью-Йорк: Алаташь, 1924. — 354 с.

13. Шаляпин — Гребенщикову

15 апреля <19>28 г.

Дорогой и милый Георгий Дмитриевич,

Давно уже получил Ваше письмо и давно собираюсь Вас увидеть у себя вместе с Вашей доброй супругой. Но... бессистемность жизни моей всегда делает мне козни, и я никогда не успеваю делать так, как хочется, — вот и теперь послал Вам телеграмму, а вас, вероятно, в городе нет, и свидание, о котором думал, — не выйдет. Что же делать?! Досадно, а виноват во всем сам! Завтра уезжаю в Балтимор и Вашингтон, а 20-го ночью выезжаю на пар<оходе> «Paris» в Европу. Вероятно, Вас уже не увижу — жаль!

Вы просили меня написать Вам о «Чураевых». Шутка сказать — «написать», да разве о «Чураевых» так просто написать! Это, батюшка, в письме не укладывается. «Чураевы» такие большие, что о них, вероятно, нужно писать столько же томов, сколько занимают они сами. А сказать, как говорится, «du passage»¹, скажу Вам — восторг вызывают Ваши Чураевы у меня в душе огромный, и не могу еще разобраться точно — они ли, разнородные братья, отцы ли их, обычаи ли или природа, так просто и так ковано написанная Вами, умиляет душу мою. Но признаюсь Вам с Чураевыми. Горжусь, что я русский, и с завистью жалею, что не сибиряк. Эх, батюшка, как глубоко захватили Вы Россию-то, да как ровно ведете плугами вашими по необъятной-то земле. Спасибо, Георгий Дмитриевич, и браво бесконечное Вам! Хорошими

соками напитала Вас Сибирь-Матушка. Очи зоркие дала и ум наблюдательный — бодрый и спокойный. Дай Вам Бог здоровья, дай Вам Бог счастья и сил бесконечных. Примите, дорогой, мои чувства уважения и преклонения перед талантом Вашим.

*Душою Ваш Федор Шаляпин
Жинке-то передайте мой низкий поклон.*

---

1. du passage (франц.) — здесь: мимоходом, бегло.

14. Гребенщиков — Шаляпину

17 апреля 1928

Дорогой и любимый Федор Иванович!

Не сумею Вам передать, как взволновало и как подняло меня Ваше письмо от 15 апреля. Вы и сами не представляете, какое огромное значение будет иметь это письмо для дальнейших томов «Чураевых». Ведь это же такой кредит, который надо оплатить достойно. Вы знаете, с Вами и о Вас как-то надо говорить, зажмурившись: и стыдно, и страшно, и радостно. Очень Вы велик — и подавляете, и знаете много, и всё видите и в то же время ясен и прост, и даже иногда застенчив, как самый наш брат парень деревенский. Впрочем, говорю, всё время обжигаемый лучами от Вас. Боюсь Вас — ведь вы можете на всякое неловкое слово так убийственно поморщиться — не дай Господи обнаружить перед Вами какую-либо глупость. А от страха как раз глупости-то тут как тут. Но главная радость, Вы всё это понимаете и сумеете простить и, главное, оцените. Вот почему иногда наберешься смелости и ляпнешь, как выйдет. А все-таки всё время, подобравши животишко, застегиваешься на все пуговицы. Мне и по росту не идет быть с расстегнутой жилеткой. А Вам и без штанов идет. Такое Ваше счастье.

Вот почему Вашу похвалу надо оправдать достойно. Не дай Господи на 6-7 томе ослабить эпос и завести беллетристику.

Вот почему внутренне я сейчас так ожесточился. Львом, тигром, собакой кусучей готов наброситься на препятствующую русскую клеветнически поганую «интеллигентность», которая в период мужиковского кулачества оказалась и сопливой, и немощной. Долго рассказывать — когда-то всё спокойно опишу в консервативных, не рабских изображениях правды-матушки.

Теперь же Вам скажу — начал строить в Америке русскую деревню. Мое ли это дело? А ведь оказалось, двойко надо: и материал для эпопеи превосходный — люди-то и дела прямо списывай, ничего выдумывать не надо — и вот свое книгоиздательство утверждаю. Уж как тяжело, уж как погано — никто книг не читает, а все-таки выдыбаю — 24 марта всю корпорацию «Алатас» выкупил. Конечно, обязательства огромные взял на себя, а Чураевка помогла. Ведь сам строю, сам плотничаю, сам фундаменты на цементе кладу. Обыватели наши русские всё еще не могут очухаться, что это такое. Игра или серьезная затея? Я всем говорю — «проба пера». Всё, мол, для Ее Величества Литературы. Так оно и есть. И только потому могу заверить Вас, что если буду жив еще 3-4 года — Ваше доверие оправдаю. Упрямый я человек, и за это себя сам хвалю. Ожесточился достигнуть, потому что, правда, вольная сибирская природа зарядила мое сердце хорошим духом — дай ей Господи, Сибири, стать воистину всемирною Державой будущего Нового Человека.

Спасибо Вам, дивный Друг наш! И знайте, где бы Вы ни были, что есть у Вас верный, крепкий, упрямый друг, который работает не столько для тысяч других, сколько может быть для Вас, как единственного читателя, для которого, для одного, стоит написать десятки томов.

Низкий Вам поклон и всей Вашей августейшей семье.

Счастливого пути! До осени.

Ваш всегда Г. Г.

*Предисловие и публикация
Владимира Росова*